

Рефлексируя проблему

Игорь ЯКОВЕНКО

К статье Г.Л. Тульчинского «Уроки надорвавшейся империи и обессиленного социума».

Автор с симпатией относится к идее империи, и это побуждает его формулировать спорные суждения. Не все «известные в истории империи оставили после себя великие культуры». Как минимум, Ассирийская империя и империя Чингизидов вкладами в сокровищницу мировой культуры не отмечены. Можно поспорить и с утверждением, что «цивилизационные прорывы в истории осуществлялись именно империями». Габсбурги (Священная Римская империя) сделали все, что было в их силах для того, чтобы заблокировать великий цивилизационный прорыв, связанный с Реформацией. И если они потерпели поражение в этой борьбе, то это не их вина.

Далее следует интересный тезис: «Имперское по самой своей сути — общечеловеческое. Или претендует на то, чтобы быть таковым». Скажем так: имперское — это модус, притязающий на статус субстанции. В той мере, в какой конкретная модальность имперской культуры содержит в себе моменты универсального, она обретает общечеловеческую ценность.

Рано или поздно империи действительно распадаются, но названные автором причины, на мой взгляд, причинами не являются. И центробежные силы, и внешняя опасность, и процессы деградации элиты — это скорее факторы, в поле которых существует любое государство. Пока оно оптимально и эффективно, ему удастся противостоять воздействию этих факторов. Когда же имперский организм утрачивает эффективность, начинают срабатывать обозначенные Тульчинским силы.

Национальная политика была одной из сильных сторон Советского Союза. К 1917 году ресурсы существования «единой и неделимой» были полностью исчерпаны. Сохранить империю можно было только за счет федерализации страны. Декларированное «право наций на самоопределение» во многом обеспечило победу большевиков в Гражданской войне. Советская конструкция этнофедерализма действительно была противоречивой. Но национальная политика, заключавшаяся «в поощрении развития национальных культур», обеспечила лояльность правящему режиму трех поколений жителей национальных республик. Другое дело, что такая конструкция носит принципиально временный характер и изживается в широкой исторической перспективе. Мы можем видеть это на примере истории Австро-Венгрии. Когда в рамках империи созревает новое национальное государство, оно однажды «вылупляется» и отправляется в свободное плавание. Иначе и быть не могло. Дело не в пошлых желаниях местных элит конвертировать власть в собственность, а в процессах созревания национального сознания. Не «элиты растащили Советский Союз». Он тихо скончался естественной смертью.

Далее автор затрагивает сложнейшую проблему формирования элиты. На мой взгляд, в каждой культуре формируются устойчивые традиции

воспитания, отбора, кооптации людей в политическую элиту. В России эта традиция работает плохо. Причем, это – сквозная характеристика, которая касается не только советской эпохи. Критерии и механизмы реализации этой традиции соответствуют отечественной культуре, но не соответствуют задачам оптимизации с точки зрения внешнего наблюдателя. Такое несоответствие имеет простое объяснение: то, что с нашей точки зрения представляется хорошей элитой, стало бы разрушительной силой с точки зрения отечественной культуры. Однако любая культура озабочена самоподдержанием и блокирует процессы, ведущие к необратимым трансформациям. Но, вообще говоря, воспроизводство элиты – тема большого, самостоятельного разговора.

Я готов согласиться с тем, что советская империя была повержена с изживанием тоталитарно-мобилизационной модели бытия. Вне эсхатологической перспективы советский проект не работоспособен. Потребитель, человек массовой культуры видел в «Советах» серую, постылую реальность и избавился от нее, как только представилась такая возможность.

Завершая статью, Г.Л. Тульчинский говорит о некомпетентности и инфантилизме значительной части нашего общества. С этим можно согласиться. Я формулирую близкое суждение следующим образом: мы имеем дело с неадекватностью исторического субъекта всемирно-историческому контексту, в который вписано российское общество. В подобных ситуациях Тойнби писал об историческом вызове. Три-четыре последних десятилетия российское общество не находит адекватного ответа на исторический вызов. Переживаемый нами кризис – выражение этого несоответствия. В ситуации кризиса содержится один обнадеживающий момент: кризис способствует мобилизации ресурсов и дает шанс преодолеть историческую инерцию. Гарантий никаких, но шанс есть. Если это удастся, цена преобразований будет высокой. Если не удастся – Россия сойдет с исторической арены.

К статье В.Н. Шевченко «Распад СССР. Механизм катастрофы».

Автор разворачивает конспирологическую модель демонтажа СССР. Меня не вдохновляет конспирология, но давайте рассмотрим. Исходным моментом послужило «перерождение... значительной части партийно-государственной номенклатуры или правящей элиты». Сомнительно, но с оговоркой, что часть элиты перерождалась одновременно с модернизированным слоем общества, данное суждение можно принять. Что же из этого следует? Господин Шевченко отвечает на вопрос – как? но не задается вопросом – почему? Каков статус этого процесса? Было ли такое перерождение закономерным или случайным? Что перед нами: чудовищная флуктуация, разрушившая великую державу или объективный и неизбежный процесс? Стратегическая цель коммунистического проекта – построение коммунизма, предполагала выведение нового человека, чуждого стяжательским инстинктам. Если Шевченко прав, то мы столкнулись с еще одним доказательством Бытия Божьего. Богоборческий проект, притязавший на изменение человеческой природы, рухнул и это – в высшей степени обнадеживающее событие. Гоббс и Локк оказались

правы: в природе нет добродетельных граждан, а человеку свойственно грести под себя. Острая ненависть к группе энергичных людей, в которых естественная человеческая природа победила хилиастическую химеру, смешна. Претензии по этому поводу можно предъявлять либо к Создателю, либо к падшему ангелу, соблазнившему Адама и Еву. Вопрос в том, насколько такая позиция продуктивна.

Вернемся к правящей элите. В номенклатуру высшего уровня входили хорошо информированные, профессиональные аналитики, погруженные в общемировой контекст. Это давало шанс осознать химерический характер коммунистической утопии и увидеть очевидную утрату темпов развития страны, обозначившуюся с начала 60-х годов и обещающую катастрофическое поражение в будущем. Возможно, что в сознании самых дальновидных представителей советской элиты появились мысли о трансформации проекта. Важно другое, Шевченко отказывает этим людям в идеальных мотивах, объясняя их поведение чисто шкурническими побуждениями. В сознании автора либерал соответствует образу капиталиста в карикатурах журнала «Крокодил». Манихейская схема, согласно которой идеальные мотивы могут быть только у «наших» распространена на отечественных просторах, но не убеждает.

Автор уверен в том, что Запад не любит Россию. Вообще говоря, никто «нас» любить не обязан. Но Шевченко о другом. Запад не любит Россию стратегически; у него есть специальная цель – разрушить Россию. На мой взгляд, это мифология. Отношение Запада к России ничем не отличается от его отношения к монголам. Когда тумены монгольских воинов стояли в Адриатике, Монголия была в центре внимания, а задачи борьбы с нею – на первом месте. Когда Монгольское государство съезживается до исходных размеров и превращается в захолустье, Запад о Монголии просто забывает. Полагать, что мы постоянно находимся в центре внимания неких могущественных недругов – детская психологическая aberrация.

Тезис о том, что «уничтожение СССР было стратегической целью прежде всего США и англосаксонских кругов Запада» вызывает умиление. Советский Союз официально провозглашал цель достижения мирового господства. На советском идеологическом языке – победы коммунизма во всем мире. Для этого требовалось сокрушить главную цитадель империализма. Эти цели снимаются буквально за три года до краха Союза. В таком случае курс на отбрасывание коммунизма и уничтожение СССР был единственно возможной стратегией. Перед нами чистая ситуация поговорки «Держи вора! – кричит сам вор».

Автор прав, «СССР был и оставался осажденной крепостью». Сегодня со всех сторон осаждена Аль-Кайда. По всей видимости, этот факт свидетельствует об агрессивной природе американского империализма. Ведь, как мы знаем, Аль-Кайда не желает зла американскому народу. Надо, чтобы все американцы перешли в ислам. Всего-навсего.

Согласимся и с тем, что в сталинском СССР «информационные барьеры» были «условием успешного развития страны». Логика авторского изложения приводит читателя к тому, что в перерождении советского общества виновата «оттепель» и деформация железного занавеса. Появи-

лось двоемыслие. Люди стали сравнивать и делать выводы. Все правильно. Коммунистическая эсхатология сохраняется только за железным занавесом. Но какова альтернатива? Это КНДР может позволить себе 63 года существовать за железным занавесом. Она не участвует в технологической гонке. А Советский Союз должен был соревноваться с динамичными открытыми обществами. У советских правителей не оставалось другого выхода. В противном случае им грозило катастрофическое отставание и коллапс социалистического лагеря. Оттепель и известная либерализация позволили Советам продержаться еще пару десятков лет.

Задаваясь вопросом – было ли разрушение СССР исторической неизбежностью? – г-н Шевченко пишет: «Руководство страны предприняло грандиозную попытку создания альтернативной Западу мировой социалистической системы». Чистая правда. Создание и поддержание этой системы стоило России невообразимых ресурсов. Двадцать лет назад мы наблюдали за тем, как при первой возможности люди, загнанные в социалистическую систему, бежали и ломали барьеры, а позже выстраивались в очередь на принятие в структуры Запада. Мне думается, что историческую энергию нашего народа можно было потратить с большей пользой для соотечественников.

Наконец, господин Шевченко все время конструирует единый, волящий и действующий субъект, называемый «Запад». Он «противостоит», «не смирился с потерей», «втягивает». Я полагаю, что здесь мы сталкиваемся с мифологическим мышлением. Нет единого Запада, как нет и не было единого Востока.

Завершая, скажем следующее: осмысленный диалог возможен в том случае, если между собеседниками гораздо больше общего, чем различного. В данном случае возможность дискуссии не просматривается, поскольку не обнаруживается общих позиций.

К статье Ю.В. Соколова «О судьбе социализма в России».

Начнем с исходного положения. Революция в России действительно была неизбежна, и победа большевиков стала результатом исторического выбора русского народа. Автор упоминает общинную психологию крестьянства и созвучие социалистических идеалов духу русского православия. К этому можно добавить, что и русский помещик, и аристократ, и интеллигент с разных позиций, но отторгали капиталистическую реальность. Видели в ней попрание вечных ценностей и сакральных устоев.

Автор полагает, что неудача реализации социалистического проекта в СССР стала результатом необходимости «жесткого сосуществования с превосходящими силами капиталистического мира». В результате задача выживания трансформировала задачу становления и развития социалистического общества. Допустим, что это так. Но дальше выясняется, что капиталистический мир «разными способами стремился сокрушить Советскую Россию». Задача выживания предполагала максимальную мобилизацию ресурсов, форсированное наращивание физической мощи, подавление инициативы масс. Реальная политическая власть переходит к номенклатуре, насаждается авторитарный и конформистский коллек-

тивизм и т. д. Обобщая, можно сказать, что капиталистическое окружение трансформировало природу социалистического проекта. В итоге сформировался авторитарный социализм, породивший в конце концов отчуждение общества и крах социалистического проекта.

Перед нами достаточно целостная, внутренне непротиворечивая концепция. Существенно одно: условие принятия этой модели – вера в социализм. Бессмысленно спорить относительно предметов веры. Зафиксируем: есть люди, не разделяющие эти верования.

Один развернутый и достаточно масштабный эксперимент построения социализма в истории человечества имел место. Результат известен. Крах социалистического эксперимента можно интерпретировать по-разному. В свое время Карл Поппер в качестве критерия демаркации науки и ненауки выдвинул принцип верификации: только та теория научна, которая может быть принципиально опровергнута опытом. Как мы помним: «Учение Маркса всеильно, потому, что оно верно» (Ульянов-Ленин). А верно оно потому, что для сторонников этого учения невозможен эксперимент, который докажет несостоятельность марксизма. Статья Ю. В. Соколова свидетельствует об этом.

В статье есть прекрасная фраза: «Социализм по необходимости сформировался не таким, каким он рисовался в теории, каким его хотели видеть народные массы, каким он мог стать в более благоприятных условиях». Социалистическая теория и желания народных масс не создают реальность. Социальная реальность формируется в соответствии с фундаментальными законами природы. При этом воплощаются только те теоретические модели и те чаяния самых широких масс, которые соответствуют этим законам. Социализм по Марксу исходит из ложной трактовки природы человека и природы социальности. А в остальном все красиво. На свете существует категория людей, способных видеть в окружающем мире не то, что есть, а то, что хочется увидеть. Такие люди были во все времена и пребудут до скончания века.

Таковы наши принципиальные соображения по поводу данного материала, а по частностям можно высказать множество замечаний. Но вряд ли это имеет смысл.

К статье Чэнь Хун (КНР) «Причины распада Советского Союза. Китайский взгляд».

Статья нашего китайского коллеги рождает теплые, отчасти ностальгические чувства. Читаешь и ощущаешь себя лет на пятьдесят моложе. Нам предлагается обзор мнений китайских ученых. В глаза бросается целостность теоретических позиций и принципиальное единодушие в главных посылах.

Из статьи мы узнаем: большинство влиятельных китайских ученых сходятся в том, что «коренные причины распада Советского Союза заключаются отнюдь не “в советской модели”, а в отходе от социализма и коренных интересов широких народных масс». «Начиная с группировки Хрущева и вплоть до группировки Горбачева, происходил отход от марксизма», а затем и прямое предательство.

Китайские ученые убеждены в том, что «Ленин был непоколебимым, трезвым и великим марксистом». Сталин тоже был великим марксистом, хотя и совершал некоторые ошибки. С этими утверждениями нельзя не согласиться. Упомянутые вожди действительно были великими марксистами.

Далее, «крайне абсурдно сводить причины... распада Советского Союза к изъянам... модели советского социализма, ибо это равносильно отрицанию основных принципов социалистической системы». Историкам философии знаком этот тип теоретического мышления. Он имеет богатую традицию, которая восходит к Петру Дамиани и получает развернутое выражение у Фомы Аквинского.

Исследуя причины распада СССР, китайские ученые обращаются к сталинскому этапу, справедливо усматривая в нем классическое выражение марксистско-ленинского проекта. И делают вывод: «Трагедия распада Советского Союза вызвана не сталинской моделью, а как раз последовательным отрицанием Горбачевым сталинской модели». Эта точка зрения позволяет понять доминирующее в Китае видение марксизма-ленинизма и научного социализма. При всех расхождениях с китайскими товарищами в оценке перспектив воспроизводства сталинской модели во второй половине XX в., надо зафиксировать твердость и последовательность их позиции. Китайские ученые сделали вывод из неудачного советского опыта. Вывод этот состоит в том, что путь компромиссов ведет к катастрофе. Наши китайские коллеги справедливо считают, что «абстрактный гуманизм принципиальным образом отходит от основных принципов марксизма-ленинизма».

Завершая, процитируем еще раз слова автора статьи: «Из глубокого изучения причин распада Советского Союза китайские ученые извлекли необходимые уроки». Интересно было бы понять, демонстрирует ли предложенный нам обзор уровень осмысления исторической реальности в китайском научном и экспертном сообществе или мы имеем дело со специфической формой идеологической словесности. Практика развития китайского общества и государства в последние десятилетия скорее говорит в пользу второго варианта.

Юрий СОКОЛОВ

Вопрос о судьбе социализма в России, первой стране, где попытались осуществить идею на практике, долго еще будет стоять в центре научных и идеологических дискуссий. И не только в нашей стране. Как возник, чем был по сути, почему был разрушен — эти вопросы будут всегда волновать тех, кто стремится создать общество социальной справедливости, равенства, народовластия, и тех, кто стремится не допустить появления и существования социализма. Стремление к таким идеалам и ценностям вечно, постоянно, неустранимо (А. де Токвиль), оно — в природе человека. В.В. Леонтьев сказал в 90-х годах: «Боюсь, что без социализма России своих проблем не решить».

Дискуссии в стране на эту тему все еще носят характер скорее идеологического спора, полемики, чем совместного поиска истины.

Прошлое не столько изучают и реконструируют, сколько «выбирают» и конструируют. Советское прошлое (информация о нем), даже 20 лет спустя, чаще является средством, инструментом политической борьбы. Дискуссию редко удается перевести с идеологических рельс на научную почву.

Настоящая дискуссия, на мой взгляд, — шаг в правильном направлении. В ней одновременно представлены различные, порой существенно расходящиеся позиции. Авторы стремятся (что не всегда удается) избежать и пристрастно-негативных и пристрастно-позитивных оценок советской истории.

Преодолевается поверхностно-пропагандистский подход, согласно которому выбор за Россию сделали большевики. Практически все участники признают, что появление социализма в России не было случайным капризом истории, что народ на «референдуме Гражданской войны» выбрал социалистический путь.

Советский Союз не был «империей зла»; он «был единственной в мировой истории империей “позитивного действия” — не только и не столько “высасывавшим ресурсы периферии”, сколько эту периферию всячески развивавшим» (Г. Тульчинский).

В ходе дискуссии авторы приходят к признанию, что постсоветские преобразования привели к массе негативных последствий, что они не были «огромным шагом вперед в экономической, политической и нравственной сфере», как внушалось, например, в «Политической декларации СПС». Фактически признается также импотентность нынешнего политического класса, заряженного скорее на разрушение, чем на созидание. Участники дискуссии склонны поддержать точку зрения Г. Тульчинского, что «советская империя... была повержена безликой и универсальной силой, утвердившейся... в душах советских граждан — массовым обществом и ценностным содержанием его культуры». Есть еще немало других вопросов, по которым позиции участников оказались близкими друг к другу.

С другой стороны, представляются далекими от объективности, затрудняющими возможности совместного научного поиска, такие утверждения, как «Советский Союз семьдесят лет боролся за мировое господство»; «В борьбе за мировое господство Советский Союз ввязался в военно-технологическую с гонку [с блоком западных стран]». СССР главным образом боролся за выживание, «гонка вооружений», даже по признанию западных экспертов, была навязана Советскому Союзу. «Борьба за мир» в сущности, конечно, не была «пропагандистским обеспечением борьбы за мировое господство».

Утверждения о неконкурентоспособности советской экономики, о том, что «социалистическая экономика принципиально неэффективна и проигрывает экономике, базирующейся на рынке и частной собственности» звучат скорее как заклинания. В определенных (экстремальных) условиях советская экономика была более эффективна, чем рыночная. «Неконкурентоспособность» ее надо доказывать, а не утверждать априори. Постсоветский опыт скорее свидетельствует о неконкурентоспособности в российских условиях постсоветской, рыночной экономики (доля про-

дукции обрабатывающей промышленности в экспорте снизилась почти на порядок).

Утверждение «само советское общество изверилось в коммунистической перспективе и изжило советский проект» ставит знак равенства между обществом и либеральной интеллигенцией. Здесь стоило бы обратиться к данным социологических исследований, к голосованию телезрителей в передаче «Суд времени» и к другим более достоверным данным.

Распад СССР – «выбор народов СССР». А как же плебисцит 1991 года? «От распада Союза выиграло население России как целое». В чем выиграло? Может быть, в том, что коренное население России уменьшилось не менее чем на 20 млн. человек (только детей в России стало на 14 млн. меньше), что идет, по общему признанию, деморализация населения, что появились десятки миллионов нищих, что социальные болезни увеличились в несколько раз, что разрушается национальное самосознание народа? Или все это несущественно (автор об этих явлениях даже не упоминает)?

«Отказ» от советской модели развития «начинает приносить все большие дивиденды». Несомненно, вопрос лишь – кому? В принципе отказ приносить дивиденды не может. Напротив, именно радикальный отказ и привел наше общество на грань катастрофы.

Игнорирование или недооценка влияния внешнего фактора, императивов выживания, как мне кажется, исключает возможность формирования верного представления о том, что лежало в основе становления и эволюции советского общества. Статья В.Н. Шевченко на конкретном материале убедительно показывает отношение Запада к СССР и существенные последствия такого отношения. Факты и аргументы, приведенные в статье В.Н. Шевченко, убеждают также, что тезис «Нас никто не собирался и не собирается завоевывать» соответствует скорее желанию автора высказывания, чем действительности.

Научное сообщество нуждается в том, чтобы перевести дискуссию о судьбе социализма из идеологического русла в научное. В этом залог понимания учеными друг друга и определенного сближения позиций. Сближение возможно не как встречное движение и не как движение по пути взаимных уступок, а как движение по пути углубления рефлексии о прошлом, углубления, как левых, так и либеральных исследований, по пути отказа от заведомого искажения советской действительности – ее бездумного приукрашивания или столь же пристрастного перечеркивания и отбрасывания. Наша дискуссия показывает, что на научном уровне некоторые шаги в этом направлении делаются.

Владимир ШЕВЧЕНКО

Дискуссия затронула практически все самые острые вопросы, связанные с развалом СССР и последствиями этого развала через двадцать лет. Я решительный сторонник полного, системного разбора воздействия на развитие страны всей совокупности как внешних, так и внутренних

факторов. И потому поддерживаю позицию историка Ю.В. Соколова. Он верно пишет о том, что Советской стране пришлось решать одновременно и постоянно не одну задачу, как это предполагалось в теории, а две — становление, строительство нового и выживание рождающегося строя. Ни в какой теории не прописано, что выживание есть более приоритетная задача, чем строительство, и каковы последствия этой приоритетности при весьма неблагоприятных условиях существования. Гибель по-разному была возможной на всех этапах существования страны, но она ни в коем случае не была запрограммирована.

Документов и свидетельств об осаде Советского Союза, а теперь и России необозримое множество. Это что: конспирология бред и паранойя? Вообще в научной литературе (именно в научной) сложилась очень странная, но вполне объяснимая ситуация, когда из философии российской истории изымается анализ воздействия внешнеэкономических, финансовых факторов, оказывающих влияние на состояние российской экономики, на выбор ею конкретных задач, на мировоззренческие ориентации российской властной элиты. Так и хочется сказать, что кто-то заботливо передвигает стрелки на обсуждение совершенно других проблем, а именно, духовности, национальной идеи, вечного спора «западников» и «славянофилов» и т.д. Эти вещи, конечно, важны, но кругом, по всей стране люди гибнут за металл, а мы все 20 лет ищем и почему-то никак не находим национальную идею, которая смогла бы стать основой для общенационального согласия.

Не могу понять позиции И.Г. Яковенко. Нарисована безрадостная картина жизни страны и при Советской власти, и при нынешнем демократическом строе. Начиная с 60-х годов, дезинтегративные тенденции берут верх над интегративными и в силу этого обстоятельства рушится советская империя, как разрушились и все прочие империи, кроме китайской. Причина проста и понятна и потому вызывает много вопросов. «Советский проект с его диктатурой развития, каких было много в мире, неизбежно приходит к застою». Почему неизбежно? «Само советское общество изверилось в коммунистической перспективе и отвергло советский проект». Но почему тогда некоторые весьма влиятельные деятели фанатично доказывают необходимость проведения тотальной десоветизации российского общества? Ведь оно же отвергло советский проект. Но пойдём дальше.

Почему через 20 лет продолжается «системный кризис российского общества, почему в стране нет ни консенсуса по поводу причин и способов выхода из кризиса, ни политической воли верхов заняться стратегическими проблемами и бороться за будущее страны», как пишет И.Г. Яковенко. Ведь сегодня ясно, что чисто либеральный проект провалился в главном. Кто сегодня будет против предпринимательства, стремления к карьере и к опоре только на свои силы, против рыночных элементов в экономике и частной собственности? Все это важные вещи, но спустя 20 лет в стратегическом отношении оказалось, что это частности.

В целом положение современной России в мире с экономической, социальной, культурной точек зрения стало неизмеримо хуже, чем оно было

до перестройки. С фактическими констатациями И.Г. Яковенко о том, кто выиграл, и кто проиграл спустя 20 лет после распада СССР, можно согласиться. Но что дальше? Куда в целом идет российское общество? У автора, к сожалению, нет и намека на стратегию выхода из системного кризиса.

Что касается статьи Г.Л. Тульчинского, то в ней более объективно оцениваются имперский и советский периоды в истории страны. В какой-то мере я разделяю его утверждение о том, что распад СССР — это плата за некомпетентность и инфантилизм, за неспособность, я бы сказал, верхнего слоя номенклатуры, прежде всего, понять те грандиозные перемены в стране и в мире, которые произошли в послевоенные десятилетия. Единственно с чем я решительно не согласен, так это с утверждением, что «национальный вопрос никогда не рассматривался ими (Марксом и Лениным) всерьез». Это, на мой взгляд, ошибочное суждение, как, впрочем, и приписывание «замечательному грузину» совсем не его позиции по национальному вопросу. Есть и ряд других малообоснованных оценок по национальному вопросу в СССР. Но автор прав в том, что неумение власти справиться с растущим обострением национальных отношений в стране явилось одной из самых главных причин, приведших к катастрофе 1991 года.

Остается только утешаться тем, что растущее обострение огромного числа межнациональных отношений становится сегодня наиболее мощным катализатором социальных потрясений, революций и локальных войн в мире. Так что изучение нашего опыта, в том числе и наших неудач, остается весьма актуальной задачей.

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ

Не хотелось бы тратить время и силы на мелкую полемику, цепляться к деталям, отдельным фразам, оценкам, высказанным некоторыми коллегами, особенно относительно причин возникновения Советского государства, сталинской эпохи, тем более, что в статье И.Г. Яковенко достаточно веско изложена разделяемая мною позиция по этому поводу. Обращу внимание только на два момента.

Во-первых, искать главные причины краха Советского государства в злокозненности внешних врагов и их внутренних агентов влияния означает не только признать собственную слабость, но и перекладывать ответственность на этих «врагов», а значит — признать собственную невменяемость в обоих смыслах этого русского слова: отсутствие разумной мотивации и ответственности за свои решения и поступки. А главное, какой из этого можно сделать вывод — как на будущее, так и для нынешнего настоящего? Новый изоляционизм? И выведывать инновационные секреты с помощью спецслужб? Да и мнение, будто «более семидесяти лет Советский Союз находился за пределами капиталистической мировой экономики, не был включен в капиталистическое общественное разделение труда», — более чем странно. На протяжении всех этих лет в поисках необходимой валюты активно экспортировались сырье, зерно,

культурно-историческое наследие, вообще все, что могло принести столь необходимую режиму валюту. СССР был довольно плотно интегрирован в мировую экономику.

И в этой связи – во-вторых. Социализм почему-то утверждался в странах с доминированием в экономике сельского хозяйства, с преимущественно сельским населением, осуществляя индустриализацию ценой сверхусилий государства. И все равно экономика в этих странах оказывалась построенной преимущественно на природной ренте. Если отвлечься от концептуальных предпосылок этого обстоятельства (в Марксовой теории прибавочной стоимости нарушаются законы сохранения, и получение прибавочного продукта «при социализме» невозможно без ренты), то политические факторы и последствия очевидны. И все они убедительно раскрыты в известной книге М. Восленского «Номенклатура», написанной еще в 1970-х, где с использованием только марксистского концептуального аппарата показано, что «реальный социализм» – не что иное, как государственный феодализм – исторический спазм – естественная реакция сельскохозяйственных обществ на угрозу капиталистической модернизации. Как известно, согласно «классикам», ни одна общественно-экономическая формация не уходит с исторической арены, не исчерпав полностью свои возможности. Вот она их и исчерпала, надорвавшись от сверхусилий.

Поэтому сейчас обсуждать социализм просто неинтересно, особенно с оглядкой на прошлое. Сейчас мы живем в качественно ином массовом обществе в условиях то ли информационной, то ли уже постинформационной цивилизации с совершенно иными возможностями и угрозами, в том числе и тоталитарного толка, но уже на совершенно другой цивилизационной основе.

Показательно, однако, что все участники круглого стола, включая и китайского коллегу (мнение которого чрезвычайно интересно и показательно – спасибо редакции) сходятся в одном, а именно – в отсутствии в нашем отечестве на протяжении уже почти сотни лет полноценной и вменяемой элиты: как советской, так и постсоветской. И, думается, назрел серьезный разговор даже не столько о причинах, сколько о путях решения этой проблемы. А состоявшаяся дискуссия может стать первым шагом в этом направлении.